

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук Пономаревой Варвары Витальевны на тему:
«Закрытые женские институты Российской империи (1764–1855).
Начало формирования отечественной системы женского образования»
по специальности 07.00.02 — «Отечественная история»**

Представленная к защите докторская диссертация В.В. Пономаревой посвящена истории возникновения и развития женских учебных заведений закрытого типа как важного сегмента российской системы образования. Число заведений было незначительным – несколько десятков к середине XX в., но они представляют интерес как историко-культурный феномен. В работе рассмотрены, главным образом, историко-педагогические и социокультурные аспекты существования этих заведений, акцент сделан на изучении истории повседневности. Меньше внимания уделено институциональной эволюции заведений, почти не затронут вопрос о финансово-экономических параметрах (кроме фрагментарных данных о стипендиях и жалованье педагогов).

Феномен женского образования и воспитания в XVIII, XIX и начале XX в. в последние 60 лет привлек внимание многих исследователей и нашел значительное отражение в историографии, содержащей десятки и даже сотни работ по теме. Первичный сбор материала и осмысление феномена женских закрытых институтов был предпринят еще в 1860-х гг., когда вышел ряд юбилейных изданий, посвященных отдельным заведениям. Изучение женских учебных заведений идет в историографии по линиям выявления социальных, культурных, институциональных, и, изредка, экономических параметров этих немногочисленных, но весьма влиятельных и значимых в российской культуре образовательных институций.

Поэтому очевидна актуальность диссертационного исследования В.В. Пономаревой, где на основе исследования конкретно-исторического

материала дан анализ образовательных и социокультурных практик преподавателей и учениц закрытых женских учебных заведений. Причем, новизна диссертационной работы (поскольку многие сюжеты были исследованы до В.В. Пономаревой), определяется, прежде всего, акцентом на истории повседневности, что надо приветствовать.

В диссертации В.В. Пономарева обосновала актуальность исследования, раскрыла используемые методы, в частности, историко-описательный и сравнительно-исторический, историко-типологический, системный, биографический и др. (описание методов представлено на с. 14-15). В логике компоновки материала диссертантка следовала матрице описания, выработанной еще в трудах XIX в. – «по царствованиям».

Структура работы В.В. Пономаревой соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора исторических наук. Работа состоит из введения, пяти глав, построенных по проблемному принципу, заключения, списка источников и литературы.

Во Введении автор обосновала актуальность темы, предмет и хронологические рамки исследования, цель и задачи работы.

В первой главе **«Источники по теме исследования. Обзор историографии»** (с. 20–71) В.В. Пономарева представила обзор источников и проанализировала историографию проблемы. Источниковая база исследования удовлетворительна. Автором использован широкий круг архивных и опубликованных материалов. Представляется правомерным использование значительного пласта юбилейной и мемуарной литературы, а также специализированной прессы – «Журнала министерства народного просвещения» и «Журнала министерства внутренних дел».

Однако список архивных дел на деле оказался меньше, чем указала диссертантка. В.В. Пономарева упоминает в списке источников в конце диссертации, **восемь** архивов (включая РГАДА, РГИА, ОПИ ГИМ, ОР РГБ и др.). Но фактически в тексте есть ссылки на материалы только **шести** архивов. РГАДА упоминается в списке источников, но в тексте ни одной

ссылки нет. Из ГАРФа упоминается в обзоре источников в главе 1 одно дело, требующее «дальнейшего исследования» в будущем, но в самой диссертации это дело не использовано. Фонд 758 РГИА (Опекунский совет) внесен в список источников, но в тексте ни одного дела не использовано.

Из остальных пяти архивов – ЦГА г. Москвы, ОР РГБ, ОПИ ГИМ, Архива Тамбовской обл., РГАЛИ – использовано по одному делу.

Из РГИА использовано 59 дел, из ЦГИА СПб – 34 дела (личные дела педагогов и воспитанниц). Таким образом, в диссертации использовано 98 архивных дел.

Но при этом некоторые архивные дела упомянуты в обзоре источников, но не использованы в основном тексте диссертации – просто сказано, что такие источники в архиве есть. В таком случае, неиспользованные архивные дела не следовало перечислять в обзоре источников. Например, в сн. 39 на с. 26 упомянуты дела из РГИА – Ф. 759. Оп. 4. Д. 928 (Речь и наставление, произнесенные на выпуске воспитанниц. 1802); и Оп. 99. Д. 5, которые автор никак не цитирует и не использует в повествовании.

Историографический обзор обширен, но при этом страдает неполнотой, не включив ряд важных работ, имеющих отношения к теме диссертации (о чем будет сказано в конце отзыва среди других критических замечаний).

Историографическая часть первой главы показывает, что автор рассмотрел литературу по трем периодам – до 1917 г., советский период, современный период (с 1991 г.). Историографический обзор носит более описательный чем аналитический характер, проблемный подход автором четко не выделен. Примечательно, что автор на двух страницах критикует Ю.М. Лотмана, который, по мнению В.В. Пономаревой, в «Беседах о русской культуре» допустил ошибочные суждения, о чем В.В. Пономарева пишет: «В тексте Ю.М. Лотмана о Смольном институте встречаются неточности и даже ошибки» (с. 57). Однако анализа, который бы объяснил эти «ошибки» Лотмана в контексте эволюции историографии, диссертация Пономаревой не содержит. Еще полторы страницы посвящены столь же строгой критике М.Т.

Белявского, автора раздела о школе в «Очерках русской культуры XVIII в.» (Издание МГУ, 1987).

Глава вторая диссертационной работы В.В. Пономаревой, озаглавленная **«Время Екатерины II: учреждение Смольного института»** (с.72–166), рассматривает историю женских заведений закрытого типа в период 1764–1786 гг. В четырех разделах представлены следующие сюжеты – разработка «Устава воспитания двух сот благородных девиц» и его содержания, идеи создания учебного заведения – «Воспитательного общества благородных девиц», реализация принципов на практике (одежда, гигиена, распорядок в помещениях, прогулки и др. вопросы повседневной жизни), обучение и воспитание (учебные программы, педагогический персонал и т.д.), реформирование Смольного института в 1780-е гг.

Третья глава **«Императрица Мария Федоровна и ее женские институты»** (с. 167–325) показывает развитие системы женских заведений закрытого типа в 1796–1828 гг. (от восшествия на престол Павла I до смерти его вдовы Марии Федоровны). В семи разделах главы подробно рассказано об эволюции учебных программ, учебных пособиях, строе жизни в заведениях. Основными источниками для написания главы послужили изданные в XIX – начале XX в. труды Е.О. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России» В 4 т. (1890–1901), Н.П. Черепнина «Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764-1914». В 3 т. (1914–1915), В.Н. Лядова «Исторический очерк столетней жизни императорского Воспитательного общества Благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища» (1864), Л.Н. Модзалевского «Императрица Мария Феодоровна и ее первый женский институт: (Из истории С.-Петербургского Мариинского института)» (1894); Е.С. Шумигорского «Императрица Мария Феодоровна. 1759–1828» (1890).

В главе не хватает конкретики, так на с. с.253 сказано – «Мария Федоровна щедро тратила свои деньги на учебные заведения, пособия

выпускницам, пенсии служащим», однако не приведено ни одной цифры трат императрицы, которые легко выявить по архивным и опубликованным документам. Сумма ее пожертвований составляла не менее 1,5 млн руб. только в пользу женских институтов (как кстати и пожертвований императрицы Елизаветы Алексеевны).

В главе 4 **«Педагогическая подготовка в институтах»** (с. 326-361) представлен вопрос о получении профессии учительниц и воспитательниц выпускницами институтов – в пепиньерских и французских классах. Довольно удачен раздел об институтках, ставших затем классными дамами в женских заведениях, а также о педагогических классах при Александровских институтах. Вопрос был достаточно разработан до В.В. Пономаревой, например, в трудах Т.Г. Фруменковой, тем не менее, наличие его в тексте удачно.

Последняя, 5-я глава **«Женские институты в николаевскую эпоху. 1828–1855 гг.»** (с. 362–533), хронологически продолжает 3-ю главу и рассматривает деятельность закрытых женских заведений в нескольких аспектах – строя жизни воспитанниц, работы педагогов и развития учебных программ, изменения в уставных документах, институционального статуса и его изменений. Представляет интерес табл. 4 «Изменение числа учащихся в институтах, открытых в николаевскую эпоху» на с. 528.

Эта глава включила материалы о развитии системы женских учреждений в рамках Ведомства учреждений Императрицы Марии (ВУИМ). К сожалению, эта часть диссертационной работы содержит немало умозаключений, не подтвержденных эмпирическими данными и основанных на фрагментарном знании историографии и исторической литературы по истории ВУИМ. Эти умозаключения приходят вразрез с общепринятой в современной историографии концепцией развития российской благотворительности. В частности, В.В. Пономарева не понимает преемственности благотворительных учреждений ВУИМ – это особое благотворительное придворное ведомство начало свою деятельность в

1797 г., когда московский и петербургский Воспитательные дома со всеми их заведениями перешли под личное покровительство супруги Павла I императрицы Марии Федоровны (ПСЗ I. Т. XXIV. № 17952), а не в 1828 г. В 1828 г. после смерти императрицы Марии Федоровны эти заведения получили особое управление и название «Учреждения Императрицы Марии» (слово «Ведомство» было добавлено в 1854 г., но сути это не меняло). Николай I, вопреки утверждениям диссертантки, лишь «покровительствовал», но уделял этим заведениям не больше внимания, чем прочим государственным учреждениям.

При желании диссертантка может ознакомиться с историей этой важной институции в моей монографии «Благотворительность в Российской империи» (М: Наука, 2005), где содержится глава «Ведомство учреждений Императрицы Марии», в которой, представлена структура ведомства, система управления и финансирования, а также по документам РГИА перечислены благотворительные пожертвования частных лиц в пользу воспитанниц женских институтов ВУИМ.

К сожалению, пока что диссертантка В.В. Пономарева не нашла времени ознакомиться с комплексом работ профессиональных историков по истории ВУИМ, в ведении которого находились женские институты или хотя бы прочитать статью в Большой российской энциклопедии. Единственная упоминаемая Пономаревой дисс. С.И. Гаврюшина написана в конце 1990-х гг. чиновником московской мэрии и, конечно, сегодня уже не отражает современной концепции благотворительности в Российской империи.

В Заключении диссертации суммируются сделанные автором выводы. Они не вызывают возражений. Автореферат диссертации и публикации автора в полной мере отражают содержание диссертации.

Наряду с очевидными достоинствами (в частности, проработка массива эго-документов, акцент на истории повседневности), диссертационная работа имеет ряд недостатков.

1. По некоторым теоретическим высказываниям. Автор не выработала своей концепции, но подтвердила свою приверженность сложившейся в науке за последние 150 лет концепции, в основе которой заявленные еще в трудах XIX века тезисы а) о важном вкладе системы закрытых женских институтов в реализацию на практике идей Просвещения; б) о ключевой роли женских институтов в развитии системы женского образования и др.

Однако В.В. Пономарева в работе артикулирует, в качестве теоретических вех, положения, которые никак не вытекают из ее материала и к тому же сформулированы весьма смутно и некорректно с точки зрения научной терминологии.

а) Например, на с. 364-365 В.В. Пономарева характеризует эпоху Николая I: «На смену патриархальному укладу в России приходил индустриальный, связанный с промышленным переворотом, что требовало участия хорошо подготовленных людей во всех отраслях». Что такое «патриархальный уклад» как научная категория исторического описания для изучаемого периода? Что такое «индустриальный уклад»? Это экономические или социальные категории? Можно ли их сравнивать, ставя в один ряд? Каковы хронологические рамки обоих укладов, если автор уверен в их существовании? И, наконец, как несколько тысяч девушек-институток можно причислить к «хорошо подготовленным людям» для «участия во всех отраслях» в связи с абстрактным «промышленным переворотом», для которого в российской историографии до сих пор не определено время начала и конца (от 1830-х до 1890-х), что в последние 70 лет остается предметом научных дискуссий?

Столь расплывчато сформулировано и другое положение на с. 531 «Для доиндустриального общества с жестко определенным положением женщины в его лоне...». Как понимает В.В. Пономарева место «доиндустриального общества» в российской истории? Каковы базовые параметры и хронологические границы этого общества в России? На какое десятилетие

падает граница между доиндустриальным и индустриальным обществами в преимущественно сельскохозяйственной стране России в середине XIX в.? Что означает фраза «жестко определенное положение женщины в его лоне»?

Я думаю, что автору не следовало, даже с целью украшения текста наукообразными фразами, прибегать к столь рискованным формулировкам, не подкрепляя их системой аргументов.

б) Также представляется некорректным избыточное использование термина «модернизация», «ускоренная модернизация» (Екатерина II правила 34 года, каковы критерии ускоренности?).

Например, о времени Екатерины II диссертантка пишет: «в условиях ускоренной модернизации следовало освоить огромный объем накопленных европейской цивилизацией пластов культуры, причем сделать это в кратчайшие сроки» (с. 4); «создание современной школы являлось одним из условий проведения ускоренной модернизации в стране» (с.18); «ускоренная модернизация страны была невозможна без участия образованной женщины, что... осознавалось верховной властью» (с.80); «Екатерина II, основывая свой женский институт ..., прямо формулировала стоявшую перед ним задачу – воспитать новую, европейски воспитанную мать, без которой невозможно было вырастить современную элиту, способную решать задачи ускоренной модернизации России. Как уже говорилось, Екатерина Великая понимала: какова мать — таково общество» (с.191).

Думается, что хотя развитие женского образования дворянок и было весьма позитивным фактом, преувеличивать его роль в обществе не стоит, хотя бы в силу немногочисленности выпускниц женских институтов. Но при этом следовало бы ставить женское образование в институтах в более широкий контекст, упомянув приводимый М.Т. Белявским в «Очерках истории русской культуры XVIII в.» факт, что не только дворянские девочки получали образование – в простонародных училищах в конце XVIII в. обучались 850 девочек непривилегированных сословий.

2. По историографии. Раздел неполон и не учитывает ряд ключевых работ по теме диссертации, включая монографии и диссертации, сформировавшие концептуальное поле темы. Например, не упомянуты докт. дисс. Е.П. Титкова «Государственная политика Российской империи в сфере образования во второй половине XVIII века» (1999); выполненная под руководство С.Г. Кащенко в Петербургском университете канд. дисс. А.С. Иощенко «Источники по истории российской педагогической мысли в эпоху Екатерины II» (2011); мон. Веретенко В.А. «Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.)» (2009); мон. Ульяновой Г.Н. «Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в.» (2005), «Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914» (1999); ее же статьи по истории благотворительности, истории женщин, народного образования, например, о патронате членов Императорской семьи в отношении учебных заведений : Ульянова Г.Н. Гессенские принцессы в российской благотворительности XIX – начала XX в. (2017).

Не упомянуты в диссертации труды таких ведущих российских ученых, пионеров темы, как д.и.н. Г.И. Смагина (ИИЕТ С.-Петербург), ее статьи: «Из истории женского образования в России: Мариинский институт», «Школьная реформа Екатерины II» (2005), «Академия наук и создание государственной системы школьного образования в России в XVIII в.» (2003), «Академия наук и народное образование в России во второй половине XVIII в.» (1991); к.и.н. Л.Г. Рогушина – статья «Попечение о девочках-сиротах в царствование Александра I» (2008).

3. По финансированию женских заведений. Из-за слабого знакомства с историографией и источниками по истории благотворительности в целом и Ведомства учреждений Императрицы Марии, в частности, В.В. Пономарева выносит ряд ошибочных суждений как о ведомственной принадлежности, так и о системе финансирования женских институтов. Институты входили в сеть заведений ВУИМ. Поэтому, во-первых, неверно рассматривать их в

системе Министерства народного просвещения (а рассуждения диссертантки некорректно уходят в эту сторону, см. с. 363-365).

Во-вторых, финансирование заведений ВУИМ вовсе не зависело только от императрицы Марии Федоровны, а шло из 4 основных источников – 1) пособия из казны; 2) пособия из личных средств императрицы; 3) благотворительные пожертвования; 4) плата за обучение своекоштных.

В частности к 1881 г. только благотворительные неприкосновенные капиталы 30 закрытых женских заведений составляли 18 млн руб. (251 капитал., 80% капиталов внесено до 1861 г.), что давало в год 900 тыс. руб. процентов (из расчета 5% на вклад). При этом капиталы только Смольного института в 1856 г. составляли 2,8 млн руб. (см.: Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. I. СПб., 1884).

Следствием неглубокого знания законодательства изучаемой эпохи и игнорирования в диссертации важного вопроса финансирования женских учебных заведений является ошибочное, не опирающееся на факты утверждение диссертантки на с. 363, что якобы до образования канцелярии «Учреждений Императрицы Марии» в 1828 г. «судьба заведений императрицы Марии Федоровны, управлявшихся из ее собственной канцелярии, была подвержена случайностям. Для поддержания их деятельности, а тем более дальнейшего развития, требовались огромные финансовые затраты... Даже несмотря на то, что в своем духовном завещании императрица позаботилась об обеспечении учебных и благотворительных заведений, их будущность могла оказаться под вопросом – без постоянной государственной поддержки на законодательной основе, без непосредственного участия власти они не смогли бы существовать».

Из этой фразы следует, что якобы женские институты целиком финансировались императрицей, а это не так.

Согласно законодательству (в частности, закону 1817 г. «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователя») никакие лечебные, учебные и прочие

заведения ВУИМ и прочих ведомств не могли быть открыты без полного обеспечения неприкосновенным капиталом, дающим такие проценты по вкладам, чтобы их было достаточно на содержание заведений. Поэтому набирали столько учениц в женские институты, сколько было обеспечено процентами с благотворительных капиталов, от пособий казны и т.д.

Например, как я показываю в монографии «Благотворительность в Российской империи», на стипендии и содержание девочек в женских институтах поступило до 1860 г. 10 пожертвований размером 116-300 тыс. руб. от дворян и купцов, в том числе, в 1821 г. от статс-дамы графини Браницкой на содержание 7 пансионеров в петербургском Екатерининском училище – 172 тыс. руб., в 1840 г. от дворянства Саратовской губ. (неприкосновенный капитал Саратовского института благородных девиц) – 300 тыс. руб., в 1852 г. от камергера графа Д.Н. Шереметева на содержание 15 пансионеров в московском Екатерининском училище – 120,5 тыс. руб. и др.

4. По оформлению диссертации и научно-справочного аппарата.

При внимательном чтении текста, к сожалению, обнаруживаются невычитанность текста и неряшливость в оформлении научно-справочного аппарата.

В нескольких десятках архивных сносок по РГИА не указаны листы архивных дел, только номера дел (см., например, сноски 1010-1012, 1117, 1028-1029, и др.)

Сноски оформлены не по ГОСТу – по всем тексту не соблюдены правила оформления повторных ссылок. Название архивов, книг повторяются многократно друг под другом в каждой сноске (надо «там же»).

Вместо общепринятых в научной литературе аббревиатур для названий архивов, В.В. Пономарева в непонятных целях изобрела собственную систему кодировки. Так, Центральный государственный исторический архив

Санкт-Петербурга превратился в ЦГИА, хотя общепринятое официальное сокращение ЦГИА СПб.; Центральный Государственный архив г. Москвы превратился в ЦГА, хотя общепринятое официальное сокращение – ЦГА г. Москвы. Отдел рукописей РГБ диссертантка упорно называет ОР ГБЛ (сноска 782), хотя последние 30 лет (с 1992 г.) он называется ОР РГБ.

В диссертации постоянная путаница с инициалами. Текст плохо вычитан, что режет глаз читателя, например, автор 3-томного труда о Смольном институте Н.П. (Николай Петрович) Черепнин, цитируемый в работе более 60 раз, на с. 173 приобретает инициалы Н.М., а на с. 76, 90-91, 102, 113, 119, 170, 327, 357 и 439 становится уже Н.В.

Елена Лихачева, упоминаемая в тексте и сносках 140 раз, фигурирует, то как Е.О. (Осиповна), то Е.И. (Иосифовна) – следовало в первой сноске объяснить принцип написания отчества и выбрать один вариант.

Нет унификации сокращения названий при повторном цитировании. Например, со сносками (их более 60-ти) на труд многострадального Черепнина вообще наблюдается парадоксальный разнобой. В.В. Пономарева дает ссылку четырьмя способами: то Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц...; то Черепнин Н.П. Имп. Воспитательное общество благородных девиц (где Имп. – собственное сокращение автора, хотя так сокращать не принято); то Черепнин Н.В. Указ. соч. Т. 1; то Черепнин Н.В. Т. 1. В одном сочинении следовало бы применять унифицированную систему для сносок.

Журнал Ивановского университета называется в сносках то «Женщина в российском обществе», то ««Женщины в российском обществе».

При сноске на ПСЗ достаточно писать номер собрания, номер тома и законоположения. При цитировании ПСЗ год издания обычно не ставится.

Для многотомных изданий, как «Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии» (СПб., 1878), в сносках следует указывать к какому тому относится цитирование. То же относится к многотомнику Е.О.

Лихачевой – диссертантка не указывает номера томов. Для трехтомника Черепнина Н.П. «Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914 гг.» тоже в ряде сносок не указаны номера томов, только страницы (см. сн. 236 на с. 100 и др.).

При упоминании размера пожертвований (например, 50 тыс. руб. асс. А.А. Аракчеевым на с. 371) следует для XIX в., особенно для второй четверти, по контексту уточнять серебром или ассигнациями.

Высказанные в отзыве замечания снижают впечатление от работы, но в целом не влияют на положительную оценку диссертационного исследования. Характеризуя диссертационное исследование В.В. Пономаревой, следует отметить логичность и последовательность изложения. Представленная к защите работа является оригинальным трудом, вводя большой фактический материал, освещающий историю учебных и социокультурных практик воспитанниц и педагогов женских заведений закрытого типа.. Практическое значение диссертационного сочинения В.В. Пономаревой определяется возможностью использования его материала для создания учебных пособий и лекционных курсов по истории России.

Поставленные исследовательские задачи автором решены, положения, вынесенные на защиту, обоснованы. Диссертация В.В. Пономаревой «Закрытые женские институты Российской империи (1764–1855). Начало формирования отечественной системы женского образования» является полностью самостоятельной и завершенной научной работой, выполненной на достаточном уровне и вносящей немалый вклад в исследуемую область.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.02 «Отечественная история» (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени

М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Варвара Витальевна Пономарева заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник Центра

«История России XIX – начала XX в.»

Федерального государственного

бюджетного учреждения науки

«Институт российской истории РАН (ИРИ РАН)»

Г.Н. Ульянова

5 апреля 2022 года